

«БРАВО, СОВЕТСКИЕ!»

В НАШЕЙ СТРАНЕ трудно найти человека, который не знал бы этой пьесы Николая Погодина, рассказывающей о первых шагах Советского государства. Владимир Ильич Ленин показан в этой пьесе не только как мудрый государственный деятель, но и как человек огромной души, глубокого личного обаяния. Первые годы Советской власти, разлука, саботаж специалистов свергнутого режима, рождение плана электрификации и привлечение к делу социалистического строительства людей, для которых само слово «социализм» было ненавистно...

Как воспримет нью-йоркская аудитория звон кремлевских курантов, возвестивший рождение нового рабоче-крестьянского государства? Как будет реагировать публика на пророческие слова Ленина о будущем России? Это не могло не волновать всех участников, спектакля «Кремлевские куранты», последней премьеры МХАТа на сцене «Сити-центра».

Увидеть и пережить все это мы смогли, находясь среди зрителей огромного зала этого театра, расположенного в самом центре Манхэттена. И, право, мы не стыдились слез, навернувшихся на глаза, когда первое появление Ленина на сцене аудитория встретила аплодисментами...

Мы были поражены тем, как живо реагировали зрители на каждое слово. Особенно взволнованию были восприняты слова Забелина, который, отвечая на вопрос Маши, почему он не уехал за границу, отрезал: «Я русский!». В зале раздались возгласы: «Браво!».

Занавес поднимался и опускался. Менялись картины: Ленин разговаривал с рабочими, беседовал с повстречавшейся случайно нищенкой. Проходили сцены в доме Забелина, в кремлевском кабинете Ленина. И каждая из них вызывала аплодисменты.

В кратких промежутках для смены декораций шел горячий обмен мнениями. А когда после финальной сцены актеры вышли на авансцену, отвечая на овации, из зала понеслось: «Браво, русские!», «Браво, советские!».

Можно понять, какие чувства переполняли в этот момент заплывавших слез людей, которые раньше плакали на «Трех сестрах» и восторжались поэтичным «Вишневым садом». И длительные аплодисменты пьесе с центральным образом Ленина были впечатляющими!

Конечно, были и другие: те, кому «Кремлевские куранты» не нравились и не могли понравиться. Они были и в зале. Нашлись они и среди театральных рецензентов...

Пожалуй, можно сказать, что все критики были настроены против пьесы заранее. Видимо, они уговаривали самих себя, что спектакль на советскую тему не может быть не чем иным, как плакатной пропагандой, да еще враждебной по своей идеологии «среднему американцу». Эти плотно надетые на глаза шторы помешали представителям херстовских газет и иже с ними увидеть глубокий смысл прошедших перед ними событий, построенных на исторических фактах. Другие, столкнувшись с «самой солнечной и самой светлой пропагандистской пьесой», как назвал «Кремлевские куранты» критик газеты «Геральд трибюн» Уолтер Керр, просто-напросто растерялись. Вопреки своим ожиданиям они увидели в спектакле глубоко жизненные персонажи, почувствовали человеческое тепло, лиризм и мягкий юмор.

Третьи постарались отбросить в сторону предвзятость и взглянуть на спектакль без шор, попытались подняться выше уровня нанесенных «холодной войной» торохов антисоветчины.

«Кремлевские куранты», откровенно признает Говард Таубмен из газеты «Нью-Йорк таймс», могут не быть «нашей чашкой» чая», однако «вполне понятно, почему они близки советской аудитории» и идут на сцене МХАТа более двадцати лет. Ричард Уаттс из «Нью-Йорк пост» считает, что пьеса Николая Погодина располагает «широкими потенциальными возможностями», и при отличной постановке спектакль «является яркой картиной взбужденной Москвы, которая начинала приходить в себя после дней, потрясших мир, показом милых, обладающих широким сердцем и юмором русских людей — мужчин, женщин и детей. А также очень человеческого Ленина».

Для этого критика «поразительным» явилось то, что центральная роль в спектакле принадлежит Ленину, «великому революционеру», который «добр к детям и старикам, терпим по отношению к мятущимся специалистам царского режима»: «Благодаря глубоко проникновенной игре Бориса Смирнова образ Ленина как человека обаятельного и с юмором, глубоко правдивый. Норман Надель признает в «Нью-Йорк уорлд телеграмм», что он «никогда даже не подозревал, что Ленин был столь очаровательным человеком, наделенным таким чувством юмора».

«Нью-Йорк таймс», где вся рецензия построена вокруг образа В. И. Ленина, отмечает, что в спектакле создан «портрет мудрого, доброжелательного вождя, несущего благо людям».

Отнюдь не дружественная нам «Нью-Йорк уорлд телеграмм» рецензия на спектакль помещает под большой шапкой: «Советская пьеса поставлена артистически». Автор пишет, что «вызывает восхищение игра всего ансамбля», отмечая при этом Бориса Смирнова (Ленин), Бориса Ливанова (Забелин) и Льва Золотухина (матрос Рыбаков). Критик не может пройти и мимо более мелких ролей: нищей старухи (Анастасия Георгиевская), восторженного Степки (Нина Гуляева), торговки куклами (Ольга Лабзина), женщины с кружевами (Маргарита Юрьева). «Это мелкие, но западающие в память шедевры», — восклицает «Нью-Йорк уорлд телеграмм». Выдающейся назвала газета «Джорнел-американ» игру Б. Ливанова и А. Тарасовой, которая исполняет роль жены Забелина.

Критики высоко отзываются об игре и других исполнителей: их пленяли своей свежестью Маргарита Анастасьева (Маша), Борис Петкер (часовщик), Михаил Медведев (Казачок). Впечатления о мастерстве актеров можно было бы лучше всего резюмировать словами газеты «Джорнел-американ»: «Актёрский ансамбль, как всегда, безупречен».

Итак, «Кремлевские куранты» прошли также с большим успехом, который сопутствовал нашему прославленному коллективу в течение всех гастролей в Нью-Йорке.

А. МАРТЫНОВА, Г. КУЗНЕЦОВ.